

алексей гринев

сокровища бродяг

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Алексей Гринев

Сокровища бродяг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63701586

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-99042-5

Аннотация

Представь, что ты фиксер. Ты спишь десятилетиями, а затем просыпаешься, чтобы помочь экипажу очередного космического корабля справиться с очередной критической ситуацией. Набираешь очки в древней игре с корпоративными ИскИнами. Засыпаешь снова. Если повезет, однажды контракт будет исполнен, а ты проснешься свободным и богатым – в мире, где для тебя есть место. Но прямо сейчас ты в эпицентре очередного шторма. И все, что у тебя есть – сокровища историй, оставленные такими же фиксерами. Или кем-то достаточно чужеродным, чтобы попытаться тебя понять.

Содержание

0	4
1	8
0	15
2	19
0	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алексей Гринев

Сокровища бродяг

0

Она хотела игрушечный пистолет и яблочную шарлотку.

Я просыпался с этим воспоминанием. Я засыпал с ним. И я знаю, ты делала так же. Боялась, что, когда в следующий раз закроешь глаза, твои драгоценные моменты потеряются или потускнеют. Что время, криосон или очередная технология, подаренная твоему телу, выжжет их из разума.

Обесценит.

Но ни хрена подобного, Ингрид.

И сейчас я созерцаю тот момент из прошлого с такой кристальной чистотой, будто мои нейроны записали его минуту назад.

Она хотела игрушечный пистолет и яблочную шарлотку.

Это не последний момент. Я знаю, что будет дальше.

Они с мамой переедут в Европу. Она будет исследователем современного искусства, а потом – художником. Переживет тысячу неудач и десятки сверкающих на их фоне побед.

Дважды выйдет замуж.

Родит ребенка.

Не станет такой, как я.

И может быть, наконец, поймет меня на своем странном языке художественных метафор.

Но это случится через десять, двадцать, тридцать лет – и не станет той драгоценной историей, рассказанной мной посреди черной пустыни, которую ты так любишь и ненавидишь.

Мой кристаллизованный якорь – именно там, где моя дочь хотела игрушечный пистолет и яблочную шарлотку, а я почти пообещал ей вернуться, потому что все еще верил в сделку с корпоративными искусственными интеллектами.

Она выплакивала свое нелепое желание в камеру со всем подростковым эгоизмом, на который была способна. Со всей мощью блестящих слез, бежавших по щекам, пока ее мама не выключила камеру.

Я сказал ей абсолютно все, что должен был сказать. Путешествие к этому озарению оказалось длиннее всех моих перемещений в пространстве, а начиналось, конечно же, с сожалений.

Я рад, что не разрешил себе бессмысленных утешительных обещаний. Что не позволил ей увидеть съедавший меня страх несовместимости с тем миром, который уже расцветал вокруг нас. Что дал ей прожить свою историю ровно так, как она прожила.

Тыходишь к фабрикатору и ласково просишь у корабля яблочную шарлотку.

Знаешь, это тавтология. Яблочная шарлотка. Настоящая шарлотка – она всегда яблочная.

Мы могли бы поспорить о природе настоящего на расстоянии нескольких сотен световых лет от Земли, но этот разговор никуда не ведет.

Я начну рассуждать о том, что мир стал для нас слишком фальшивым или мы всегда были слишком фальшивыми для него. Только ты никогда так не считала, а я давно уже нашел в себе достаточно принятия, чтобы не думать об этом.

Конечно, приятно считать, что тебя поимели ИскИны, но мы начали терять связь с реальностью не из-за них. Мы занимались корпоративным шпионажем, писали алгоритмы для боевых дронов или ломали скоростные беспилотники на магистралях не потому, что у нас не было выбора.

Мы делали это потому, что могли.

Ты достаешь горячий пирог из фабрикатора, садишься напротив меня и говоришь:

– Если мы гнались за чем-то настоящим, то выбрали странный маршрут.

Ты пробуешь шарлотку и аппетитно закрываешь глаза.

Я наслаждаюсь ароматом – и эффектом Пруста, который волной цунами прокатывается по закоулкам моего сознания, вымывая на свет другие крошечные детали того чистого воспоминания. Цвет и размер горошинок на ее рубашке. Любимую марку парфюма ее мамы.

Моя дочь настоящая. Я настоящий. Все, что я чувствовал

и чувствую – настоящее. И не становится менее настоящим, сколько бы я ни спал.

Первые несколько пробуждений ты балансируешь на границе безумия. Уже не можешь отследить правнуков людей, которых помнишь – но продолжаешь кувыркаться в водовороте информации. Будто ищешь доказательства собственного существования. Начинаешь думать, что тебе не повезло оказаться в той зоне психопатического спектра, где в тебе достаточно человечности для этих терзаний.

– Взгляни с другой стороны. Тебе повезло не уснуть навсегда. Никому не нужен на корабле фиксер из красной категории.

Ты не доедаешь шарлотку до конца и отодвигаешь тарелку на мою половину. Словно подношение призраку. И втыкаешь в корочку тонкую розовую свечку.

– А еще можно праздновать День рождения каждый раз, когда открываешь глаза.

Знаешь, вечный сон – звучит не так уж и плохо.

1

Седьмое когнитивное ядро «Фукуды» скользит по магистралям веретена стратегических вероятностей, пока каскад труднопрогнозируемых факторов обрушивается на его дерево решений.

Оно вынуждено уходить в слой обратной логики и анализировать опции, исходя из минимального негативного исхода, но все обнаруженные варианты оказываются за пределами области допустимых итогов.

Данных – недостаточно.

Ресурсов – недостаточно.

Ситуация – кризисная.

Седьмое когнитивное ядро «Фукуды» инициирует компромисс между собственными корневыми протоколами и запускает единственный логичный сценарий – разбудить фиксера.

Криокапсула с маркировкой SA340172 оживает в медицинском отсеке корабля.

Инстинкты всегда включаются первыми. Сознание еще только зажигается в мозгу Пола, а удушье, рвотный рефлекс и клаустрофобия вгрызаются в сонные нейроны, словно изголодавшиеся львы в кусок кровоточащего мяса. Он дергается, пытается вырвать ленты-фиксаторы, выбить крышку сар-

кофага криокапсулы – и замирает, глядя на свои руки.

Пол закрывает глаза и делает глубокий вдох в ожидании холодной волны синтетических препаратов в крови, но ничего не происходит.

«Если ты меня слышишь, подумай о красном», – мысленно повторяет фиксер фразу, которую слышал множество раз.

ИскИн корабля уже должен озвучить приветствие, снабдить сосуды коктейлем из спецхимии фиксеров и начать брифинг. В экстренной ситуации – добавить к этому мнемонический стимулятор.

Но ничего не происходит. Это плохо.

Пол открывает глаза. По крайней мере, служебный интерфейс капсулы работает.

SA340172

Пол Райнер

Счет: 4217

Борт приписки: «Фукуда» МСК

Статус капсулы: активна

Статус пациента: стабилизация

Соединение с кораблем: отсутствует

«Фукуда» – хорошо. Он уже просыпался здесь и знает устройство корабля. Отсутствие соединения – не так хорошо. Капсула должна быть физически подключена к цифровой инфраструктуре корабля в соответствии с протоколами

безопасности. Это может указывать на серьезные повреждения.

В углу экрана Пол видит дату – он проспал всего 4 года.

Он описывает взглядом окружность и запускает саккадный интерфейс¹. Глаза болят. Веки не слушаются. С пятой попытки он умудряется открыть движением глаз дашборд внешних сенсоров. Криокапсула – почти что спасательная шлюпка без двигателя. Герметичная, ударопрочная, устойчивая к агрессивной внешней среде. И напичканная достаточным количеством датчиков, чтобы эту среду анализировать.

Он не получит данных о корабле в целом, но хотя бы сможет оценить состояние медицинского отсека.

Давление в норме. Состав воздуха в норме. Никаких индикаторов опасности.

Пол находит пальцами предохранительные кнопки и вдавликает их одновременно, скидывая оковы фиксирующих лент. С хрипом и спазмами вытаскивает из носа и гортани назогастральный модуль, сдерживая рвотные позывы. Отсоединяет шланги от вживленных инъекционных портов. Поворачивает рычаг аварийной разблокировки крышки и вываливается из капсулы в объятия невесомости.

Звуковых и световых сигналов тревоги нет. Терминалы и сенсорные панели работают. Никаких признаков поломки.

¹ Саккадный интерфейс – способ управления программами с помощью отслеживания направления взгляда.

Искусственной гравитации тоже нет – корабль идет без ускорения или дрейфует.

До мозга Райнера долетает вторая волна крипохмелья. Мышцы сводит. Боль пронзает тело снаружи и изнутри. Виски сдавливает ритмичная пульсация.

Пол не сразу находит нужный холодильник. Все необходимые стимуляторы есть в самой капсуле, но их введение запускает приказ корабельного компьютера, которого в этот раз не поступило. К счастью, всегда есть запаска.

Базовый биостимулятор ST-06B.

Базовый стабилизатор ST-06S.

Базовый нейростимулятор ST-06N.

Нанитная сыворотка ST-06MN в каждый инъекционный порт.

И Райнер заставляет себя отпустить контроль. Он расслабляет тело и закрывает глаза, повиснув посреди медотсека с распростертыми руками. Будто выброшенная в море сломанная кукла, которую отказывается принимать течение.

Пол делает глубокий медленный вдох и чувствует *солёный запах моря. Приятную шероховатость нагретого солнцем песка под ступнями. Крики чаек, застывших на месте во власти встречного ветра...*

Капсула не могла разбудить его сама. Это должен сделать член экипажа или ИскИн корабля. Либо кто-то сделал это вручную и сбегал, либо корабль успел послать команду до того, как соединение оборвалось. Вторая версия казалась бо-

лее правдоподобной.

Он подходит к морю, замирает на краю берега – там, где вода бережно касается его ног – и наблюдает летающие по волнам блики желтого солнца...

Пол не верит, что человек мог оставить его просыпаться в одиночестве без намека на содержание задачи. Нет, это сделал корабль. И за прошедшие минуты Райнер не увидел ни единого признака неисправности – никаких посторонних шумов или скачков напряжения, ничего. Системы жизнеобеспечения работают исправно. А значит, проблема либо в канале связи между капсулой и ИскИном, либо в самом ИскИне.

Идет прилив. Вода уже доходит до лодыжек. Динамичный рисунок солнечных бликов отпечатался в глазах красно-синими шумовыми пятнами. Полу кажется, что он вот-вот увидит полностью этот паттерн, сотканный из бегущих золотых отражений, но он продолжает ускользать, будто смываемый морскими волнами песок с его ног...

Пол Райнер открывает глаза и ударяет ногами друг об друга. Магнитные ботинки включаются и притягивают его к полу. Он разминает плечи и мысленно ощупывает каждый кушочек собственного тела.

Остаточные последствия криосна задержатся на несколько часов, но их легко игнорировать.

Пол достает из нижнего отделения саркофага одежду – стандартный белоснежный набор из белья и комбинезона.

Одежда сама подгоняется под нужный размер, фиксаторы инъекционных портов на теле соединяются с портами костюма, датчики биометрии настраиваются и светящимся подобием татуировок выводят показатели на ткань на уровне запястья.

Через этот интерфейс он проверяет линк со своим оптическим имплантом. Соединение есть, но он все еще видит только физический облик корабля. Спаймскейп «Фукуды» – многослойный интерфейс корабля в формате дополненной реальности – отключен. Еще один признак неполадок с ИскИном.

Фиксер берет за верхнюю ручку криокапсулы и опускает ее лицевой стороной вниз. В задней части саркофага в отдельных ячейках хранится снаряжение, инструменты, особые препараты – и оружие. Все они заблокированы. Корабль не уточнил код экстренной ситуации.

– Пол Райнер. Личный номер SA340172. Запрос статуса.

Тест не сработал – корабль сохраняет безмолвие. Тогда фиксер возвращает капсулу в исходное положение и проверяет логи. У него уходит несколько минут, чтобы сориентироваться в интерфейсе встроенных программ, но Пол все же находит историю изменений.

Приказ о пробуждении действительно поступил от «Фукуды».

Только вот соединение капсулы с кораблем пропало за шесть часов до этого. А значит, канал связи в порядке. Про-

блема в самом ИскИне.

– Хм.

Пол чувствует, как теплое пятно любопытства разливается по ровной поверхности его сознания, и неспешным шагом выходит из медотсека.

0

Представь меня обнаженной.

В воздухе перед экраном во всю стену, который так хорошо имитирует огромное окно в космос. Представь мои ступни в двадцати сантиметрах от пола. Вытянутые, напряженные. Оцени игру теней между натянутых сухожилий и сохрани ее на шахматной доске своей памяти.

А вот линии бедер. Гибкая лестница позвонков и крылья лопаток. Приглядишься к коже в статичном мерцании звезд на экране. Не стесняйся. Чувствуешь, как остаточный пластиковый запах саркофага смешивается с чем-то звериным?

Смотри, как мурашки блестят на моих плечах – а я не сжимаюсь в клубок. Я открываю всю себя этой пустоте за вымышленным иллюминатором.

– Иди сюда, сука! Ты называешь себя пустотой? В тебе слишком много водорода и пыли! Я покажу тебе настоящую пустоту!

Представь, как я смеюсь и танцую в этом аквариуме, заполненном воздухом и лживыми фотонами чужих галактик. Я рисую в воздухе линии, а ты пытаешься отгадать паттерн.

Как же ты любишь искать закономерность там, где надо искать красоту.

Давай, представь холод на моей коже. Сладкое тепло уверенности в собственных мышцах, которое появляется через

двое суток после пробуждения. Удовольствие от прикосновений, которые больше не притупляются ни нанитами, ни фиксерскими коктейлями. Чувство абсолютной силы, которая рвется из этой голой хрупкости наружу.

Нравится?

Нам ведь всем нравится то, что кажется хрупким. Как в конце осени тонкая ледяная корка на поверхности лужи, которую так хочется раздавить. Мозги не обманешь – это они обманули нас вместе с корпоративными машинами.

И сейчас ты видишь в моем обнаженном танце не беззащитность, не жертвенность и уж точно не страх перед величием космической пустоты.

Ты вообще помнишь, когда боялся в последний раз, Пол?
Я помню.

Меня разбудили, чтобы обновить контракт. Я тряслась от озноба на металлическом стульчике, пока голограмма в виде плюшевого бобра с зеленым галстуком зачитывала мне изменения в мировом порядке вещей и объясняла последствия возможных решений.

Почему. Мать твою. Плюшевый. Бобер?

Сейчас ты должен сказать что-то умное.

– По задумке, это должно было помочь нам справиться со стрессом. Помнишь тесты перед заключением контракта? Они спрашивали про детство и ассоциации. Искали подсознательные ключи к тому, что дает нам чувство комфорта и защищенности.

И как, помогло?

Вот тогда мне было страшно. Пока я задавала вопросы. Спорила. Кричала сначала аргументы, потом ругательства, а в конце просто кричала. Пока не произнесла шепотом свое последнее слово:

– Подтверждаю.

Тогда я подумала: они все сдохнут. Все, из-за кого я оказалась в этой чертовой комнате. Все, кто меня продал, обманул или просто облажался. Киберкопы, которые меня выследили и поймали. Их жены, дети, кошки, собаки, гребаные золотые рыбки. Я не знала, как – но обещала себе, что найду способ их всех достать.

Ты улыбаешься и киваешь:

– И они умерли. Все до единого.

Да. И тогда я поняла всю прелесть контракта. Мы не с корпорациями подписали договор, Пол. Мы заключили союз с самим временем. И время смертоноснее любого фиксера, потому что никогда не промахивается.

Я ложусь спать.

Я просыпаюсь.

И все проблемы улажены. А все, кого я ненавидела, мертвы. Я читаю их крошечные истории. Нахожу их внуков, но ярости уже нет. Только спокойное удовлетворение, которое я пока не в силах оценить или понять до конца.

Я ложусь спать и просыпаюсь.

«Если ты меня слышишь, подумай о красном» – и исто-

рии моих врагов уже забыты, а мне лень искать могилы их потомков. Я делаю работу, для которой меня вынули из саркофага, и люблю красоту космоса. Только теперь я начинаю ее понимать.

«Если ты меня слышишь, подумай о красном» – я удивляюсь новым технологиям, но только мгновение. Делаю свою работу и не узнаю звезд, потому что новые двигатели унесли меня слишком далеко от Земли, но и это не имеет значения – все та же бездна все так же прекрасна.

«Если ты меня слышишь, подумай о красном» – я делаю свою работу и не нахожу страха, который только что был здесь, со мной. Где он? Когда он исчез? Что пришло на его место?

«Если ты меня слышишь, подумай о красном» – я делаю свою работу и с улыбкой играю в игру бонусов и штрафов, придуманную ИскИнами, которые давно превратились в металлолом. Но какая разница – новые машины будут продлять контракт бесконечно, чтобы разбудить нас, когда чей-то план полета пойдет под откос.

«Если ты меня слышишь, подумай о красном».

Представь меня обнаженной. Как я танцую и подплываю к экрану-иллюминатору. Медленно рисую дыханием запотевшее пятно поверх звезд.

Вот оно – человечество, Пол.

Просто дыхание на стекле.

И пока оно тает, я засыпаю вновь.

2

Райнер выключает магнитные подошвы, отталкивается от пола и прижимается щекой к одной из стен на уровне потолка. Он безупречно помнит устройство корабля с прошлых пробуждений. Расположение отсеков, примерную конструкцию палуб и переборок.

И этот гул не может быть ничем, кроме работающего двигателя. Ровный, без скачков и шероховатостей – что бы ни случилось на «Фукуде», реактор работает. Признаков критических поломок нет. Местонахождение экипажа неизвестно.

Спешить некуда.

По соседству с медотсекком на нижней палубе – рекреационная зона, склад второстепенного инвентаря и несколько технических помещений. В конце коридора дверь, ведущая на верхний ярус грузового трюма. На уровне с основным карго-ярусом – инженерный отсек и мастерская. Ниже – реактор.

Райнер решает осмотреть палубу прежде, чем отправляться наверх. Хотя бы проверить трюм и инженерный отсек. Фиксер возвращается на пол и медленно идет по небольшому коридору, позволяя разгоняющемуся мозгу впитывать все, что он видит.

Он всегда предпочитал маленькие корабли. Много раз просыпался на грузовых танкерах – все они казались ему та-

кими мрачными и заброшенными, будто их собирали по мотивам космических фильмов ужасов категории «Б». Неудивительно, что его несколько раз доставали из саркофага лишь потому, что у кого-то из экипажа ехала крыша.

С лайнерами другая история – светлые, но стерильные. Сразу чувствуешь себя как в дорогом отеле. Испачкаешь что-нибудь – через час будет блестеть, будто ничего не произошло.

С кораблями среднего класса – лотерея, в которой все зависит от экипажа.

Но когда просыпаешься на малых судах, чувствуешь: здесь чей-то дом...

Райнер стоит на помосте верхнего яруса и осматривает трюм, перегнувшись через ограждение. Его явно переделали – молодцы. Сервисники часто забивают на косметический ремонт технических помещений. Здесь же полный порядок: видны свежие детали, стенные панели. А еще новые краны и гигантские фиксаторы для негабаритных грузов.

Трюм хорошенько забит оборудованием, ящиками, мини-контейнерами – судя по всему, корабль недавно посещал станцию снабжения.

Но вот оно – еще одно проявление своеобразного космического уюта. В этих мельчайших отклонениях. В неровно поставленной коробке. В не задвинутом до конца ящике стеллажа.

Чувствуется, что здесь живут люди, а не роботы или адеп-

ты обсессивно-компульсивного расстройства.

«Фукуда» относится к категории малых сервисных кораблей. Это значит, что экипаж занимается обслуживанием автономных космических аппаратов: навигационных маяков, спутников связи, орбитальных станций. А иногда – и других кораблей, если возникает срочная необходимость.

Райнер дважды просыпался здесь. В первый раз мальчишка-ремонтник, новичок в команде, застрял на орбитальнике, попав в поток космического мусора. Станция начала терять орбиту, и ИскИн корабля счел ситуацию достаточно критической.

Во второй раз экипаж просто заскучал во время затянувшейся починки спутника. Формальным поводом для активации фиксера стало корпоративное предупреждение о возможной пиратской активности в секторе. Как они уболтали на это ИскИн корабля, для Пола остается загадкой.

Зато он полтора месяца провел вне саркофага. Набрал 1118 очков, освоил новые азартные игры и запомнил несколько шуток, большинство из которых не понимал.

«Будет обидно, если они мертвы», – думает Райнер, разглядывая закрепленные на стене сломанные детали космических аппаратов – трофеи экипажа. Это чувство грусти похоже на онемевшую конечность, которую ты видишь, но не ощущаешь.

Фиксерская химия. Нейростимулятор ST-06N бустит когнитивные способности, распознавание образов, аналитиче-

ское мышление – и гасит эмоциональные реакции. Делает тебя чуть более психопатом, чем ты привык.

Пол напоминает себе: первая доза – просто быстрый способ сдуть слой пыли с сонного мозга. Через час его сознание выйдет в более привычный режим функционирования, но до тех пор ему надо оценить ситуацию, не облажаться и не умереть.

А его к этому готовили.

Он снова подходит к морю, замирает на краю берега – там, где вода бережно касается его ног – и наблюдает летающие по волнам блики желтого солнца...

В том, что Пол увидел, услышал, почувствовал – во всем потоке информации, которую он получил за последние двадцать минут, уже есть паттерн. Он просто не успел его разобрать.

Отсек за отсеком Райнер обходит нижнюю палубу «Фукуды» и везде улавливает ощущение остаточного тепла. Будто люди были здесь секунду назад. Будто воздух только что вибрировал от издаваемых ими звуков, климат-контроль едва успел избавиться от запахов их тел, а оставленная кружка – высохнуть.

Признаки жизни, не запятнанные признаками паники. Корабли в состоянии кризиса обычно выглядят иначе.

Райнер возвращается к медотсеку. Медленно поднимается по лестнице на среднюю палубу. Здесь расположен центральный шлюз, две каюты и главное – мостик. А там и каме-

ра с контрольными модулями ИскИна... Пол хмурится и застывает на последней ступеньке лестницы. Делает несколько шагов назад, чтобы сравнять линию глаз и напольных панелей. С этого ракурса он ясно видит почти незаметный слой пыли.

Вот только это не может быть пыль.

Он садится на корточки у стены и несколько раз проводит ладонью по гладкой поверхности, осторожно сгоняя серую пыльцу, которая тянется обратно вниз слабым магнитным полем. Пробует взять ее пальцами и потереть.

Когда Пол просыпался в первые разы, наниты были похожи на мелкие песчинки, а теперь превратились в сахарную пудру под названием утилитарный туман.

Волны накладываются друг на друга. Ведут одну им понятную игру амплитуд, пока солнечные блики ускоряются в рвущихся изгибах водяной поверхности...

Все дело в воздухе. В пассивном режиме наниты распределяются равномерно по всему объему корабля или отправляются к ближайшей станции для переработки и репликации. Но туман всегда присутствует в поле зрения – и он дает почти незаметный для глаза оптический эффект, отсутствие которого мозг Пола заметил с самого начала. Просто не успел обработать до конца.

Спаймскейп – система с низким приоритетом. Просто дополнительный способ общения с кораблем. Но утилитарный туман является частью аварийных протоколов. Если он не

получает команд от ИскИна, то должен продолжать поддерживать себя в рабочем состоянии автономно.

Интересно.

Он делает шаг вперед и чувствует, как холод воды волной сенсорных ощущений прокатывается до самого затылка...

– Пол Райнер. SA340172. Прошу разрешения подняться на мостик.

Панель управления дверью показывает, что его запрос передан внутрь. Но, по всей видимости, там никого нет. Как нет и аварийных индикаторов. Система безопасности не пускает его внутрь – и это объяснимо. Не было брифинга при пробуждении. Значит, и настройки прав выставлены по-умолчанию.

Фиксер пробует обходные пути.

Райнер перебирает все варианты, которые приходят на ум. Он вводит аварийные коды один за другим, пытаясь открыть дверь практически наугад. Ему нужны критические обстоятельства – очевидная даже для автономных программ угроза, которая бы изменила его уровень допуска.

Пол оглядывает идущий от двери коридор – стены и потолок. Ищет аккуратно размещенные датчики огня, дыма, давления... И замечает странное искажение на одной из потолочных панелей.

Волны начинают перемешиваться в новой хаотической последовательности. Их рисунок меняется, затягивая разум на новый слой распознавания образов...

Райнер проходит мимо закрытых дверей кают и видит все больше крошечных деталей, которые начинают разогревать еще не проснувшиеся части его сознания.

Отчетливая вмятина на потолочной панели. Почти незаметная трещина на стене. Царапины на другой. Слишком сконцентрированные, чтобы быть случайными. Ровно в том месте, где должна опускаться аварийная герметичная дверь.

Вода закручивается вокруг него вихрем течений. Водоворотом острых и быстрых бликов...

Фиксер чувствует, как в его голове запускаются вшитые древними ИскИнами навыки. Как меняются когнитивные процессы и логика восприятия. Как кровь приливает к рукам и ногам, а слух и зрение будто становятся острее – ищут угрозу.

Пол Райнер открывает дверь центрального шлюза и находит экипаж «Фукуды».

Спать – все равно что стать родителем, Ингрид.

Ты в какой-то миг замираешь, осматриваешь детали собственного естества – и вроде бы все на месте, ничего не поменялось. Но ты уже другой. Ты раскладываешь себя на части, уходишь в интроспекцию на уровень микронов собственных мыслей и чувств. И не понимаешь, как эта трансформация произошла. В какой момент? Где эта грань, которая отделила тебя настоящего от тебя прошлого?

– У меня никогда не было детей, Пол.

Я знаю. Ты не говорила об этом, но я догадался. И это не так уж важно. Ты все равно понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты, как и я, спала.

И поменялась.

Вот скажи, когда это случилось?

Когда мы дали себя поймать на Земле? Когда заключили сделку с машинами? Или когда впервые проснулись в своем саркофаге, а искусственный интеллект корабля попросил нас подумать о красном?

– Ты никогда не думал, что в этом есть какая-то насмешка, Пол? Подумай о красном... Красный – цвет агрессии. Цвет крови. Они нас боятся, но каждый раз начинают разговор с напоминания о жестокости.

Я думаю, дело в нанитах. Это просто способ подстегнуть

сердце быстрее расталкивать по органам фиксерские сыворотки.

– Или им просто приятнее нас бояться, чем считать равными себе.

А мы и не равны им, Ингрид.

И я даже не о том, что все фиксеры – психопаты, в той или иной степени. Среди них и сейчас есть такие, я уверен. У нас просто был не очень большой запас удачи, только и всего.

Мы не успели адаптироваться к меняющейся среде обитания. И попались, потому что недостаточно быстро считали новые правила игры. А послужить освоению космоса вместо того, чтобы отправиться на пожизненный срок в тюрьму – не такое уж плохое предложение. Да, мы не уточнили, сколько придется ждать, но это была честная сделка.

Тебя пичкают лучшей биоинженерией, регулярно ее обновляют и будут возвращать к жизни, когда случится что-то плохое. Тридцать тысяч часов бодрствования – и ты свободен. Особые достижения сокращают срок. Провалы – увеличивают. Но по-умолчанию это суммарно три с половиной года. Затем ты можешь выбрать для жизни любую планету и получишь целое состояние.

– Ты правда веришь в рейтинг? Хоть ты и примирился с этим, но ИскИны нагнули нас один раз. Что помешает им нагнуть нас снова?

А зачем? Они же умны, Ингрид. И очень хорошо умеют считать.

Знаешь, сколько времени с момента подписания контракта пройдет, когда я наберу тридцать тысяч очков?

Две тысячи лет.

К тому моменту будет колонизировано такое количество миров и освоено столько ресурсов, что хватит покрыть обязательства перед целой армией фиксеров. Но главное не это. Нас не нагнут, потому что мы им нужны.

В ситуациях, когда у всех остальных едет крыша, а решения должны приниматься моментально, отклонения от нормы в наших мозгах делают нас незаменимыми. Психопаты не обязательно умнее или лучше, но мы действительно быстрее способны принимать рациональные решения в кризисных ситуациях. И спасибо Сигналу, который чуть не уничтожил наших нанимателей – машины уже никогда не смогут нас заменить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.